

© 2022. Кямаля Умудова

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан

Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах

Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня
рождения Ф.М. Достоевского (г. Карс, Турция, 5–7 января 2022)

© 2022. *Kemale Umudova*

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Dostoevsky's Legacy in National Cultures

International Academic Conference, Dedicated to the 200th Anniversary of
Fyodor Dostoevsky's Birth (Kars, Turkey, 5–7 January 2022)

Информация об авторе: Кямаля Умудова, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Бакинский славянский университет, ул. Сулеймана Рустама, д. 33, 1014 г. Баку, Азербайджан.

<https://orcid.org/0000-0001-7049-5641>

E-mail: Umudova_kyamalya@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен подробный научный обзор Международной научной конференции в Карсе (Турция), посвященной 200-летию Ф.М. Достоевского. Она стала открытым форумом для исследователей из многих стран мира, для которых творчество Достоевского стало мостом, связывающим разные литературы и культуры. На конференции прозвучало немало интересных и содержательных докладов по вопросам восприятия творчества писателя в разных культурах, об истории переводов и изучения, преподавания его произведений в Турции, России, Азербайджане, Грузии, Таиланде, Китае, Польше и др. странах.

Ключевые слова: антропология Достоевского, Турция, конференция в Карсе, Кавказский университет, национальные культуры, турецкая литература, переводы Достоевского, межкультурные связи.

Для цитирования: Умудова К. Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 210–236. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-210-236>

Information about the author: Kemale Umudova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Russian literature, Baku Slavic University, Suleyman Rustam 33, 1014 Baku, Azerbaijan.

<https://orcid.org/0000-0001-7049-5641>

E-mail: Umudova_kyamalya@mail.ru

Abstract: The article provides a detailed overview of the International Conference held in Kars (Turkey) for the 200th anniversary of Fyodor Dostoevsky's birth. The event turned out to be an open forum for researchers from different countries worldwide, for whom Dostoevsky's work has become a bridge linking different kinds of literature and cultures. The conference featured several interesting and informative presentations on the perception of the writer's work in different cultures, the history of translations, and the study and teaching of his works in Turkey, Russia, Azerbaijan, Georgia, Thailand, China, Poland, and other countries.

Keywords: Dostoevsky's anthropology, Turkey, Conference in Kars, Caucasus University, national cultures, Turkish literature, Dostoevsky in translation, intercultural relations.

For citation: Umudova, Kemale. "Dostoevsky's Legacy in National Cultures." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (17), 2022, pp. 210–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-210-236>

5–7 января 2022 года в городе Карс (Турция) состоялась Международная научная конференция «Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах». Конференция была приурочена к 200-летию со дня рождения Достоевского и посвящена вопросам восприятия творчества писателя в русской и национальной культурах. Конференция была организована Отделением славянских языков и литератур Факультета естественных и гуманитарных наук Кавказского университета (г. Карс, Турция) при поддержке Центра русского языка и культуры RUSMER (Анкара), кафедры РКИ Волгоградского государственного социально-педагогического университета, филологического факультета Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), Литературно-Мемориального Музея Ф.М. Достоевского (г. Санкт-Петербург), Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также центра дополнительного профессионального образования «АЛЬФА-ДИАЛОГ» (г. Санкт-Петербург).

В работе онлайн-конференции приняли участие более ста исследователей из шестнадцати стран мира (Турция, Россия, Азербайджан, Польша, Китай, Украина, Болгария, Кыргызстан, Индия, Испания, Таиланд, Белорусия, Грузия, Молдова, Чехия, Германия). Конференция открыла свою работу 5 января и продолжалась три дня. Участников и слушателей конференции от имени ректора Кавказского университета, профессора Хюсю Капу приветствовал декан факультета гуманитарных и естественных наук профессор Генджер Элкылыч. В Турции Достоевский является одним из самых читаемых и любимых русских писателей. С этой точки зрения проведение в нашей стране конференции, посвященной вопросам восприятия творчества великого писателя в русской и национальных культурах, отметил Генджер Элкылыч, весьма закономерно. Подобные мероприятия, несомненно, важны с точки зрения развития науки, а также культурных взаимоотношений между народами. Он выразил надежду на проведение очередного международного форума в Карском университете в режиме реального общения и обмена научными знаниями и опытом.

С обращениями к участникам выступили председатели организационного комитета конференции — заведующая отделением славянских языков Кавказского университета, профессор Фирангиз Пашаева Юнус и директор центра русского языка и культуры Людмила Ивановна Носова-Курал. «Достоевский относится к тем мировым писателям, однажды соприкоснувшись с которыми, невозможно остаться равнодушным. Кто-то находит творчество Достоевского трагичным, кто-то — мрачным, кто-то — пророческим. Трудно найти другого такого писателя, в произведениях которого мы так рьяно искали бы ответы на тревожащие нас вопросы. Поиск правды о человеке стал не только главной программой творчества Достоевского, но и установкой на открытие, постижение новых граней его наследия. Взаимодействие творчества Достоевского с разными национальными культурами и литературами — главная тема конференции в Карсе, к которой мы готовились в течение года», — отметила Фирангиз Пашаева Юнус. Далее выступила директор Центра русского языка и культуры Л.И. Носова-Курал. В своем обращении к участникам форума она рассказала о важности осмысления творчества писателя современными исследователями. Год Достоевского закончился, но мероприятия продолжают, и Карсская конференция одна из них. Сила воздействия творчества писателя не знает границ во времени

и пространстве. Для всего человечества романы Достоевского — это путь самопознания. Достоевский не стремится дать готовые ответы на сложные вопросы жизни, а предоставляет возможность людям разных культур, мировоззрений решить их самим. В актуальности и парадоксальности этих вопросов Достоевского и лежит знание человека, его глубины. «В то время как цивилизация ищет в человеке преступника, Достоевский ищет в преступнике человека», — отметила Носова-Курал, завершая свое выступление словами грузинского поэта и общественного деятеля Дато Маградзе.

Работа конференции велась в рамках 5 тематических секций: «Достоевский и мировая литература», «Переводы произведений Достоевского», «Достоевский и русская литература», «Об интерпретации биографии и творчества писателя в школьных и вузовских учебниках литературы и истории в России и Турции», «Особенности языка и стиля Достоевского». Руководителями секций выступили проф. Михновец Н.Г. (Санкт-Петербург, РГПУ), проф. Аминева В.Р. (Казань, КФУ), проф. Репенкова М.М. (Москва, МГУ), проф. Акелькина Е.А. (Омск, Ом.ГУ), проф. Гуртуева Т. (Стамбул, ун-т Йедитепе), проф. Сабитова З. (Эскишехир, Анатолийский ун-т), проф. Жилина О.А. (Бангкок, ун-т Таммасат), проф. Саяпова А.М. (Казань, КФУ), проф. Сабзиева М.М. (Эскишехир, Анатолийский ун-т), проф. Олджан Туркан (Стамбул, Стамбульский ун-т) и др. В отдельной секции, работой которой руководил преподаватель Кавказского университета, канд. филол. наук Ялчын Юнус, были представлены научные доклады молодых исследователей: студентов, магистрантов и докторантов преимущественно турецких университетов (8 из 16 докладчиков). Рабочими языками конференции были турецкий и русский.

Наряду с докладами участников, в программу были включены две виртуальные экскурсии, предоставленные старшим научным сотрудником Литературно-Мемориального Музея Ф.М. Достоевского в Петербурге Натальей Владимировной Михновец. Виртуальная экскурсия «Музей Достоевского в Петербурге» предваряла пленарное заседание и стала добрым напутствием для плодотворной работы конференции. Молодые исследователи: студенты, магистранты и докторанты из Турции, России, Польши, Болгарии, Белоруси — отправились на виртуальную экскурсию «Петербург Достоевского» и познакомились с Петербургом XIX века, городом, где прошла молодость писателя. В этом городе он встретил героев многих своих

произведений: «Двойника», «Униженных и оскорбленных», «Игрока», «Преступления и наказания», здесь он издавал журнал «Время» с братом Михаилом и глубоко переживал его смерть. В одном из петербургских домов, работая над романом «Преступление и наказание», Достоевский познакомился со своей второй женой Анной Сниткиной.

На заседаниях конференции обсуждались уже ставшие традиционными аспектами связи творчества Достоевского с мировой и русской литературами (проф. Т.В. Ковалевская, «Достоевский и английская литература (от Уильяма Шекспира до Элизабет Гаскелл)», проф. Чжэн Инкуй, «Перевод и распространение произведений Ф.М. Достоевского в Китае», проф. М.Д. Алексидзе, «Вставные конструкции в оригинале и переводе (на материале романа Ф.М. Достоевского “Идиот” и его переводов на грузинский язык)», проф. Н.Г. Михновец, «Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский: проблема понимания русского народа», проф. Г.Л. Нефагина, «Дискурс Достоевского в русской литературе второй волны эмиграции» и др.), особенности языка и индивидуального стиля писателя (проф. С.М. Заяц, «Ф.М. Достоевский и проблемы смыслопорождения», доц. Л. Алиева, «Воссоздание индивидуального стиля Ф. Достоевского в переводах на азербайджанский язык», доц. К.Т. Керимова, «Глубокие фразы Достоевского», проф. Л.Б. Карпенко, «Языковые приемы актуализации смысла в романе Ф.М. Достоевского “Подросток”», магистрант Туяаара Дьячкова, «Функционирование фразеологизмов в произведениях Ф.М. Достоевского» и др.), актуальные проблемы интерпретации биографии и творчества автора великого романиста в школьных и вузовских учебниках литературы и истории в России и Турции (проф. Е.Р. Ядровская, «Читаем Достоевского: опыт проживания и интерпретаций», проф. О.А. Жилина, «К вопросу об актуальности чтения произведений русской классической литературы на уроках РКИ (на примере романа Ф.М. Достоевского “Бесы”)», Ж.В. Тюрк, «Лингвострановедческий аспект экранизации повести Ф.М. Достоевского “Белые ночи” (реж. И. А. Пырьева) при работе с турецкими студентами»).

Несомненно значительный интерес турецких и российских исследователей к отражению образов и мотивов Корана в произведениях Достоевского, к которым обратились, например, проф. В.В. Борисова («Ф.М. Достоевский и Ислам»), доц. Т.И. Алиева («Коранические мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского»), канд.

филол. наук Ташкесенлигил Мухаммед («Восприятие образа турок и мусульман у Достоевского»). Вопрос рецепции наследия писателя в контексте духовной культуры Ислама можно расценить как один из самых перспективных и значимых в современной достоевистике.

Одним из наиболее важных и продуктивных направлений в работе конференции стало изучение переводов произведений Достоевского на турецкий язык, их влияния на творчество турецких писателей. В современной достоевистике эти темы остаются на периферии научного внимания. Так в различных исследованиях, в которых представлены аналитические обзоры истории изучения Достоевского в странах Европы, Азии, Америки и Австралии, раздел, посвященный турецкой достоевистике, отсутствует (во 2 томе коллективного труда «Достоевский и XX век» [Достоевский, 2007]; в 20 томе серии «Достоевский. Материалы и исследования» [Достоевский, 2013]). Тем временем история переводов Достоевского на турецкий язык и исследований произведений писателя как в аспекте историко-литературном, так и в контексте турецкой литературы имеет более чем столетнюю историю, и в Турции на эту тему написано немало статей и книг [Тюркан Олджай, 2010; Birsen Karaca, 2018].

Отчасти этот пробел восполняется выступлением Лейлы Шенер (Эскишехир, Турция) на международной научной конференции «Перспективы изучения наследия Ф.М. Достоевского» (Петрозаводск, 8–9 ноября, 2021) на тему «Влияние творчества Достоевского на турецкую литературу XX–XXI веков» и недавней публикацией ее статьи «Рецепция романа Ф.М. Достоевского в турецкой литературе XX–XXI веков» в журнале «Проблемы исторической поэтики» [Шенер, 2021].

Тема рецепции творчества Достоевского в турецкой литературе и культуре прозвучала в ряде докладов: «Проза Шерифа Айдемира в свете антропологии Достоевского» (Умудова Кямаля), «Достоевский глазами турецкого социолога Улуса Бакера» (Алпай Орчун), «Об одной адаптации Достоевского в турецком кинематографе — фильм Зеки Демиркубуза “Yeralti” (“Подполье”)» (Озайтен Гюнеш), «Экзистенциальные мотивы Ф.М. Достоевского в творчестве Ахмед Хамди Танпынара» (Дилекчи Варгюн Пынар), «Сравнительный обзор романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” и романа Самета Агаоглу “Человек в камере”» (Аксой Турал Семанур) и «“Конфликт” Расима Озденорена и “Неточка Незванова” Ф.М. Достоевского» (Доган Джунейт), «Достоевский в творчестве Айтуг Акдогана» (Карабаджак Кндем Эмине).

О роли творчества Достоевского в культурном диалоге через столетия, о разных методах интерпретации произведений писателя говорили Банерджи Лили (Индия) («Нравственные ценности и свобода человека глазами Фёдора Достоевского»), Ялчын Юнус («Идеи Достоевского в XXI веке»), Сарал Эсра («Влияние языка Достоевского на судьбы XX века»), Олджай Тюркан («На перекресте дорог в 1845 году: Федор Достоевский и Виссарион Белинский»), Карайол Хедийе Бейза, Бак Хади («Анализ характера Фомы Фомича Опискина в повести Достоевского “Село Степанчиково и его обитатели”»), Карадениз Чагатай Али («Анализ романа Достоевского “Бедные люди” с точки зрения социологии искусства»), Оздемир Рахман («Этапы отчуждения характера Ивана в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”»), Оздемир Нургюл («Психологический дискурс и языковые стилистические особенности повести Достоевского “Кроткая”»), Мехмет Фырат Арамачы («Концепция личности в “Записках из подполья” Ф.М. Достоевского»), Чаглаян Нергис («Сны главного героя Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” и влияние снов на роман»). Примечательно, что некоторые турецкие исследователи представили свои доклады на русском языке.

Тема доклада проф. Валентины Васильевны Борисовой (Уфа) «Ф.М. Достоевский и Ислам» — одна из самых важных и перспективных как с точки зрения изучения художественной аксиологии творчества Достоевского, так и его особой роли в развитии межкультурного диалога в современном мире. Главное внимание автор доклада уделил вопросу о значении Ислама, Корана, образа пророка Мухаммеда в художественном и философском мышлении Достоевского, о факторах, стимулирующих интерес писателя к культуре Ислама. Ф.М. Достоевский был знаком, прежде всего, с «небесной книгой» мусульман в русском и французском переводах. Были у него и живые посредники — Чокан Валиханов и другие российские востоковеды. Мусульманская среда в Сибири, в которой писатель оказался на каторге и в ссылке, также сыграла немаловажную роль в углублении его интереса к Исламу. В творчество Достоевского он вошел прежде всего мощной фигурой Мухаммеда, воспринятого в христианском и пушкинском контексте. Подчеркивая важность последнего, В.В. Борисова отметила, что в основе почти всех художественных обращений автора великого «пятикнижия» к Корану лежат именно пушкинские «Подражания Корану».

В докладе В.В. Борисовой проводится сравнительно-типологический анализ смыслового поля коранического образа «твари дрожащей» у Пушкина и Достоевского. Анализируя известный эпизод в романе, в котором Раскольников выражает свои мысли об исламском пророке, докладчица подчеркивает нетождественность мысли героя авторскому слову, показывает, как двойная интертекстуальная цитация раскрывает изначальную ложность позиции Раскольникова по отношению к гуманистическому содержанию и Ислама, и Христианства.

В своей функциональной амбивалентности образ «твари дрожащей» соотносится с кругозором автора и героя одновременно, приобретая аксиологическое значение: высокое для самого автора и низкое для героя. Вульгарной цитацией выражения «дрожащая тварь» Раскольников искажает характер отношений между человеком и Богом, между человеком и пророком. Достоевский же, вслед за Пушкиным, исходит из переключки евангельской и коранической заповедей любви к Богу и человеку как «дрожащей», «божьей твари», из повеления Христа своим ученикам «идти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари» (Матф. 16, 15) и обращения Аллаха к Мухаммеду: «И мой Коран дрожащей твари проповедуй». Эта переключка подтверждает высокий нравственно-религиозный смысл сакральной цитаты в контексте авторского словоупотребления. Он, не ограничиваясь реализацией ее вербального содержания, функционально использует источник и как квази-цитату, то есть цитацию фабульной структуры, подвергая героя «сюжетной критике».

С фабульной точки зрения роман «Преступление и наказание» является развернутым переложением девятого подражания Корану Пушкина, утверждает проф. В.В. Борисова. В начале жизненного пути Раскольников похож на «усталого путника», который «на бога роптал». В эпилоге к нему можно отнести пушкинские строки: «И чувствует путник и силу, и радость; / В крови заиграла воскресшая младость; / Святые восторги наполнили грудь: / И с Богом он дале пускается в путь». С этой точки зрения в девятом «Подражании Корану» Пушкина, как в зерне, заложена модель и логика эволюции Раскольникова, отражена ключевая ситуация его богоборческого бунта и раскаяния.

В целом, по мнению проф. В.В. Борисовой, апелляция русского православного студента к мусульманскому пророку в романе Достоевского не случайна, она мотивирована творческими принципами

автора, в пушкинском духе соединившего Библию и Коран как две «вечные книги человечества». На каторге он лично убедился, что Ислам открыт обаянию Христа, а Мухаммед, согласно Корану, его последователь и пророк. Вот почему образ юного мусульманина Алея в «Записках из Мертвого дома» — это первый «положительно прекрасный человек» у Достоевского, а князь Мышкин как наиболее полное воплощение его идеала соотнесен и с личностью Мухаммеда.

Коранические грани В. Борисова исследует также в образе главного героя романа «Идиот». Другой, не менее идеальной ориентацией на Мухаммеда она считает «Смешного человека» Достоевского из его «фантастического рассказа», также написанного на синтетической библейско-коранической основе. «Секунда» космического бытия, пережитая «Смешным человеком» в каморке-ячейке мироздания, перекликается с секундой, за которую не успел пролиться кувшин Магомета, но совершилось его путешествие на небеса. Типологически совпадают и коренные жизненные ситуации, в основе которых лежит метафора смерти-возрождения: «Смешной человек» в могиле, Магомет в пещере вступают в общение с Богом. В обоих случаях ночной полет пророков связан с их душевным потрясением и восторгом перед ярко засиявшим светом рая, с деформацией времени, характерной для религиозно-мифологической традиции.

Одним из наиболее ярких подтверждений связи творчества Достоевского с культурой и историей Ислама назвала докладчица очерк «Фома Данилов, замученный русский герой», опубликованный в «Дневнике Писателя» за 1877 год. Победив противника в честном поединке, народный герой вызвал уважение у врагов. Отсюда эквивалентный по смыслу и нравственной оценке перевод: азиаты, «замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырем». Таким образом, ключевая в очерке Достоевского эмблема «Фома Данилов — русский батыр» снимает противостояние двух вер, выражая авторскую оценку религиозного подвига солдата-христианина. В высшей степени актуальной в наши дни называет проф. В.В. Борисова осмысление человеческого поступка с общечеловеческой, нравственно-религиозной точки зрения.

Созвучно главной идее доклада российского ученого прозвучало выступление доц. кафедры истории русской литературы БСУ Кямали Умудовой (Баку), которая назвала общечеловеческую направленность антропологических исканий Ф.М. Достоевского бесценной заслугой перед человечеством. Неслучайно Ф.М. Досто-

евский — один из наиболее видных деятелей истории мировой культуры и литературы, чье творчество оказало сильнейшее влияние на писателей разных стран.

Доклад «Проза Шерифа Айдемира в свете антропологии Достоевского», с которым выступила Кямаля Умудова, был посвящен теме проникновения слова и образа Достоевского в турецкую литературу. В небольшом предисловии к своему докладу она рассказала о том, что причиной исследовательского интереса к данной теме стала встреча с рассказом турецкого писателя, а точнее, с эпиграфом «Мы все вышли из “Шинели” Гоголя» с указанием рядом автора — Достоевского — к рассказу «Твидовое пальто». Свои мысли о глубочайшей связи творческих задач, художественных принципов изображения человека у Достоевского и Айдемира она отразила ранее в своей статье под названием «От “Шинели” Гоголя до “Твидового пальто” Айдемира», опубликованной в журнале «Azərbaycan» [Умудова, 2018]. Желание прочитать Айдемира на пересечении с темами, образами, мотивами Достоевского, в свете его антропологии совпало и с основной целью конференции в Турции — показать действие универсума Достоевского в культурных пластах и традициях разных народов. Обратившись к писателю, руководителю Центра исследований по литературе, искусству и культуре в Стамбуле (ESKADER) Шерифу Айдемиру с вопросом о роли Достоевского в формировании его литературных вкусов, К. Умудова узнала, что он в молодости, как и многие турецкие литераторы, увлекался чтением русской классической литературы и с тех пор периодически перечитывает роман «Братья Карамазовы», а Алеша Карамазов является внесюжетным героем одного из его рассказов. Так азербайджанская исследовательница решила найти художественные и культурные параллели, на которых встречаются живой классик турецкой прозы Шериф Айдемир (родился в 1950 в городе Кемалие) и классик русской и мировой литературы Достоевский, которому в 2021 году исполнилось 200 лет.

В докладе К. Умудовой выявляется доминирующий контекст, обуславливающий проникновение художественной, философской антропологии Достоевского в прозу Айдемира. К исследованию в контексте антропологических поисков Достоевского были привлечены рассказы Ш. Айдемира «Твидовое пальто» (“Kırçıl paltó”, 2003), «Платок на память» (“Mendilim sende kalsın”, 2010), «И вспомнились мне руки твои нежные» (“Yumuşak ellerin aklıma düştü”, 2013). Раз-

мышляя о сходстве и параллелях, о моментах встречи в тексте и в интертексте двух писателей, представляющих разные языки, культуры, страны и историческое время, докладчица обратила внимание на единство метафизического, духовного сознания у обоих писателей, что связано с их антропологическим взглядом на человека как на существо, свободное в познании себя и своего места в мире, ответственного за все, что происходит вокруг.

Разобрать человека, восстановить его погибшую душу, где потускнел образ Божий, — вот задача Достоевского, суть его антропологизма. Модель «очеловечивания человека», освобождения его от внешней оболочки, от скорлупы, и открытия его подлинных границ универсальна. Об этом пути к себе каждого человека, о необходимости встречи с образом Божиим и говорит Айдемир в своих рассказах. «Найти в человеке человека» как главная творческая задача писателя Достоевского отзывается во многих произведениях турецкого писателя, воспитанного в исламских духовных ценностях, в судьбах и характерах героев его рассказов.

Образом человека, способного изменить мир подвигом негласным, следуя глубинному содержанию сердца, авторским словом, ненавязчиво и «молча» указывающим путь к воскрешению поврежденной души, отзывается Достоевский в прозе Айдемира. В рассказе «Твидовое пальто» крестьянка Аиша готова взять на себя ответственность за ошибки мужа и отсидеть в тюрьме часть срока за него, а, освободившись, вернуться из Стамбула в деревню и вернуть прежнее счастье единства в семейном очаге. Значение образа Аиши, как считает К. Умудова, сходно с подвигом самопожертвования, который совершает Соня Мармеладова в романе «Преступление и наказание», спасая душу Раскольникову, не оставляя его одного в беде. За внешней оболочкой хрупкой и беззащитной Сони скрывается внутренняя красота, всепрощение, смирение, бескорыстная любовь к людям — она идеал Достоевского. Примечательно, имя Аиша выбрано писателем неслучайно: так звали одну из жен Пророка Мухаммеда, у которой не было своих детей и которая растила сирот, давала им образование, помогала им впоследствии строить семью. Тут тоже можно увидеть скрытую аналогию с Соней, которая также растила сирот и шла на мучения ради них. Имя Сони — «мудрость» — передает семантику понятия «ирфан» — мудрость, сакральные знания, с помощью которого мусульмане достигают сближения с Аллахом.

Герой рассказа «И вспомнились мне руки твои нежные», молодой литератор с символическим именем Окумуш (Грамотей) сумел разглядеть за очерствевшей и озлобленной фигурой убийцы-рецидивиста Мустафы беспомощного одинокого человека, забывшего путь к Богу. Ему как грамотному, осведомленному человеку, дано понять, что за грубой и дикой внешней оболочкой дяди Мустафы скрыта детская наивность, умение радоваться счастьем других. В итоге из неведающего Бога человека, не умеющего обращаться ко Всевышнему с молитвой о прощении (вспомним Раскольников), Мустафа поднимается до высшей личности, передающей свой опыт сближения с Аллахом другим: он учит Окумуша отказываться от своего уединения, своей кажущейся свободы и полюбить медсестру Башак и создать вместе мир любви, семью, стать творцом своей судьбы. «Из сердца одного человека лежит мост к сердцу другого человека, помни об этом сынок!», — поучает он молодого друга. «Ты не женат, не так ли? / Да, не женат. / Кому-то дал обещание? / Никому, кроме Аллаха»¹ [Aydemir, 2013, s.103]. Окумуш не сделает предложение девушке, которой не может обещать то, что он обещал Богу — вечной любви. «Очевидно, что в человеческих отношениях писателя занимает нечто иное <...>» [Касаткина, 2004, с. 142], — пишет Татьяна Касаткина в статье «Другая» любовь в ранних произведениях Достоевского» о «другой» любви Макара Девушкина, Васи Шумкова, Мечтателя. Ее слова вполне можно отнести и к образу любви, которую несут в себе герои Ш. Айдемира в рассказах «И вспомнились мне руки твои нежные» (Окумуш), «Платок на память» (Фират, Фиган). Онтологичность, бытийственность у каждого писателя определяется не физическими параметрами существования человека, а тем, насколько его путь отражает в себе Божественную сущность жизни.

Непосредственным литературным фактом входит Достоевский в текст рассказа Шерифа Айдемира «Платок на память». В диалоге между Фиган и Фиратом, молодым поэтом, влюбленным в учительницу, появляется Алеша. Романский герой Достоевского оказывается героем и Фиган, и Фирата. Более того, своим вопросом: «Мне кажется, вы остались под впечатлением Алеши?» [Aydemir, 2011, s.122], — Фират предопределяет будущий великий подвиг героини, которая спасает его Дом, его мир от разрушения. И то, как поступит Фиган,

¹ Здесь и далее перевод мой. — К.У.

эта молодая турчанка, какой «закон солидарности» (Т. Касаткина) она проведет с собой и через себя, как обнимет раненые сердца Фирата и его жены Назлыджан, растворяясь в их радости, — это и будет примером бесстрашия Алеши Карамазова. В рассказе об Алеше лишь упоминается: то есть художественное время, отведенное лишь упоминанию имени Алеши Карамазова, на самом деле становится временем вечного пребывания героев в единстве, в смирении, создает общий язык взаимопонимания между ними.

Стремление выйти за пределы своего земного «я» и приобретения высшего «я» как главная тема антропологии Достоевского находит свое отражение в рассказах Айдемира в диалогах между героями, направленных на поиск цели выйти за пределы своего уединенного состояния, непременно сопровождаемых обращением к высшей Истине, ко Всевышнему.

В своем докладе К. Умудова затронула вопрос о типологическом сходстве между образами обладателя ирфана (прозорливости), “*könül insani*” — выразителем авторской позиции в произведениях Айдемира, — и человека «с сердцем», «с умным сердцем», «сердечного человека», положительно прекрасных людей, святых юродивых Достоевского. У обоих писателей эти образы выступают носителями знаний о сокровенном, духовном человеке.

В докладе Кямали Умудовой сопоставляются основные дискурсы творчества двух писателей: натура и социум, культура и цивилизация, столица (Петербург и Стамбул) и деревня, деньги и душа, социальная нищета и духовная зрелость, вера в человека как в брата своего в пространстве мира, где живут «чужие» — много совпадений ситуаций героев рассказов Айдемира и героев романов Достоевского. Петербург и Стамбул показаны у писателей как фон отрицательного воздействия на душу человека: первый — символ «идеи-черта», источник греха, ошибки Раскольникова, и второй — символ «пальто-дьявола», который соблазнил безымянного героя Айдемира. В названии одного из ранних рассказов писателя «Город, пронзивший мою душу» (“*Ruhuma sarplanan şehir*”) содержится аллюзия на Петербург Достоевского в романе «Преступление и наказание». Турецкое слово “*sarlamak*” (в переводе на русский «наносить удар до конца, до рукоятки») имеет коннотацию со словом «нож», «топор», что выражает темную стихию безликой толпы и указывает на идею Раскольникова. Резюмируя свое выступление, докладчица отметила, что в центре творчества Достоевского и Айдемира лежит

глубоко выношенная и осмысленная антропологическая система, основанная на вере в человека как в духовное существо, и данное базовое положение указывает на важность и плодотворность сравнительно-типологического изучения творчества двух писателей.

На пленарном заседании был заслушан еще один доклад, вызвавший большой интерес участников в силу своей актуальности. Доклад кандидата филологических наук, писателя-переводчика из Турции Сабри Гюрсеса назывался «Изучение Достоевского на турецком языке». Он был посвящен истории переводов и изданий Достоевского в Турции. С. Гюрсес назвал Достоевского иконой русской литературы, определив путь ее дальнейшего развития. Своим литературным мастерством и стилем, как утверждает турецкий исследователь и переводчик, Достоевский определил иную идеологию, мировоззрение, и поэтому перевод и изучение его наследия требуют особого внимания и отношения.

С. Гюрсес как литератор и переводчик изучает русскую литературу и творчество Достоевского вот уже двадцать лет. Он считает, что переводы Достоевского достигли нового этапа именно в XXI веке, потому что появление профессиональных литературных переводчиков русской литературы с академическим образованием открыло путь к критической оценке старых переводов и появлению новых. Кроме того, в 2015 году была переведена монография «Проблемы поэтики Достоевского» Михаила Бахтина на турецкий язык, которая заложила основу для нового прочтения Достоевского и его переводов в Турции.

В своем докладе С. Гюрсес классифицировал историю переводов Достоевского на турецкий язык: 1) период переводов эмигрантов (Нихал Талуь), когда Достоевский переводился в более романтическом, сентиментальном стиле; 2) период повторных переводов (ретрансляций) (Эргин Алтай и др.). Для этого периода характерны имитация и подражание стилю Талуя и совершенствование переводов с других языков; 3) третий период, начавшийся в XXI веке, отмечен новыми и разными стилями переводчиков, которые пытаются раскрыть и передать оригинальный голос Достоевского в переводе и пытаются отразить особенности его языка и стиля наиболее точно и верно.

Из всех русских писателей, которыми восхищались в Турции, Достоевский был самым популярным писателем всех времен. В каком-то смысле он стал настоящим писателем и турецкой

литературы. Это потрясающий успех переводов и переводчиков. Произведения Достоевского включены в список литературы для чтения в школах по рекомендации Министерства национального образования Турции с 2005 года, отметил С. Гюрсес. Классическая русская литература воспринималась в Турции прежде всего как часть западной литературы, и основные классические произведения были переведены на турецкий язык уже в течение первых двадцати лет Республики. Турецкие авторы читали и переводили Достоевского с французского. Первыми известными турецкому читателю переводами были «Белые ночи» (Рушен Эшреф Гюнайдин, 1918), «Тюремные воспоминания» (Рефик Халит Карай, 1918). В 1923 году Якуп Кадри перевел полный текст «Записок из Мертвого дома». Все первые переводы были опубликованы в «Новом Журнале» (Yeni Mecma).

В тридцатые (1930-е) годы такие произведения Достоевского, как «Братья Карамазовы» и «Бесы», публиковались отдельными главами в газетах. До открытия кафедры русистики в Анкаре по предложению Ататюрка в 1936 году профессиональных литературных переводчиков с русского языка в Турции было очень мало. Несколько переводчиков-эмигрантов появлялись и исчезали в сороковых (1940-х) годах, но остались Хасан Али Эдиз и Нихал Ялаза Талуи. Эдиз перевел только роман «Преступление и наказание». А Нихал Талуи работала очень плодотворно. Ей удалось перевести почти все книги Достоевского. Эти переводы, опубликованные Министерством национального образования, вызвали всеобщее восхищение и долгое время служили образцом художественного перевода на турецкий язык.

Переводы Достоевского производились не только с языка оригинала — многие переводы Достоевского осуществлялись с других языков. В Турции есть несколько повторных переводов (ретрансляций) «Бесов», «Братьев Карамазовых», «Белых ночей» и других произведений Достоевского с английского, немецкого и французского языков. После смерти Талуи в 1963 году переводчик Эргин Алтай начал работу над повторными переводами Достоевского. На сегодняшний день почти завершен повторный перевод всех его произведений, кроме «Дневника писателя». Одним из самых ярких примеров литературной интеграции с Достоевским через перевод является творчество Орхана Памука, в произведениях которого есть открытые ссылки на Достоевского.

В своем докладе с названием «Человек как объект искусства в творчестве Достоевского и немецких писателей» проф. Кавказского университета Фирангиз Пашаева-Юнус (Карс) решила показать роль Достоевского в формировании немецкой и австрийской прозы XX века. Каждый шаг вперед в развитии немецкой прозы с начала XX века до наших дней, как отметила докладчица, был связан с постоянными новыми обращениями к Достоевскому, с переосмыслением его имени, спорами о значении персонажей и идей великого русского писателя. Изучение источников творчества почти всех великих немецких и австрийских писателей первой половины XX века показывает, что Достоевский оказал на каждого из них существенное влияние (Р.М. Рильке, Ф. Кафка, М. Брод, Ф. Верфель). Об этом свидетельствуют не только их прямые признания, но и многие фундаментальные фигуры и идеи их собственных работ. В своем докладе Ф. Пашаева-Юнус говорила о своеобразии концепции личности, о взаимосвязи социального и психологического начал в характерах героев, о важности темы вины в романах Достоевского и немецких писателей XX века.

Автор доклада рассматривает рецепцию творчества русского писателя в творчестве немецких и австрийских писателей в отдельных тезисах «Гессе и Достоевский», «Кафка и Достоевский», «Р. Музель и Достоевский», «Творчество Достоевского в работах З. Фрейда и С. Цвейга». В пяти статьях о Достоевском, принадлежащих Герману Гессе, художественный мир писателя трактуется как сложный и напряженный. Гессе связывает это с тем, что герои живут не только своей частной жизнью и личными страданиями, но и муками своего поколения и своего народа. Он оценил важное значение Достоевского для духовного возрождения Германии после войны и всего человечества в статьях, включенных в книгу «Blick ins Chaos».

Отдельные философские и символические мотивы творчества Достоевского нашли прямое или косвенное отражение в произведениях Кафки. Для героев Достоевского «подпольность» была отрицательным полюсом их существования, полюсом, с которого они, как и их создатель, страстно стремились к реальной жизни. В повести Кафки «Превращение» фигура «пещеры» становится лирическим символом мучительной безысходности человеческого существования. В мятежном и страдающем Ипполите («Идиот») Достоевского выражено отчаяние человека, потерявшего связь

с миром. Ипполит видит свое положение «выкидыша» и злится на природу. Он собирается уходить из жизни, которая приняла в его глазах форму тарантула. «Нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обижающие меня формы», «Я не в силах подчиниться темной силе, принимающей вид тарантула» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 341]. Еще один символ отчуждения от мира в романе Кафки «Превращение» выражен в образе насекомого, в которого превратился Грегор Земза. Он символ безнадежного, рокового одиночества и недоступности людей. У Кафки смерть Грегора Земзы поднимает его над враждебным ему миром. Познание самого себя приравнивается у Кафки признанию героем невыносимости своего положения. А у Достоевского отчуждение от мира и человека оценивается как грех, заблуждение, отступление, поэтому Мышкин поучал Ипполита смириться, отказаться от гордости. Роберт Музиль — австрийский писатель и экспериментатор, один из ярких представителей интеллектуальной прозы первой половины XX века, чья личность и творческие принципы во многом пересекаются с Достоевским. В посмертно опубликованных статьях он рассказал о влиянии Достоевского на формирование его творчества. Р. Музиль относил Достоевского к числу тех, кто помог ему открыться как писателю. Одна из фундаментальных проблем, которая вызывает страстный интерес Музиля, — это проблема обособленной личности, проблема индивидуализма. Этой теме посвящено важнейшее произведение австрийского писателя — роман «Человек без свойств». При его написании Музиль использовал художественные и психологические открытия Достоевского.

О борьбе земного, бытового начала с началом духовным, небесным как об основном конфликте творчества М. Цветаевой и Ф.М. Достоевского говорила в своем выступлении на секции «Достоевский и русская литература» доцент кафедры истории русской литературы БСУ Хураман Мурсалиева (Баку). Доклад Х. Мурсалиевой «Мотивы Ф. Достоевского в творчестве М. Цветаевой» был построен с упором на центральные темы, волнующие поэта, и посвящен смежным мотивам творчества М. Цветаевой и творчества Ф. Достоевского. Как отмечено в докладе, Достоевский всем своим творчеством стремился раскрыть внутренний мир человека, его душу. Он стал началом нового этапа в изучении внутренней истории человека. Как пишет Бердяев: «После него человек уже не тот, что до него. Эта новая антропология учит о человеке, как о существе противоречивом

и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающем, но и любящем страдания» [Бердяев, 1999, с. 171]. С этой точки зрения можно с уверенностью сказать и о новой антропологии Марины Цветаевой.

С раннего детства и до последних дней жизнью Цветаевой управляло воображение. Не могло не отразиться на ее жизни влияние огромного количества прочитанных книг. Среди них были и произведения Достоевского, о которых она как-то сказала, что они не понадобились ей («Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась, но узнаю себя и в Белых Ночах... и, главное, запомните, — в Катерине Ивановне с шалью и голыми детьми, на французском диалекте <...>» [Цветаева, 1997–1998, т.7, кн.1, с.387]). Вот об этом «непонадобившемся» Достоевском говорила Цветаева, создавая в своем творчестве двойкий мир: реальный, действительный, со всеми прелестями и ударами, потрясениями, и воображаемый, придуманный прекрасный мир со сказочным лесом, с мифическими существами, с рыцарями и преданными героями, мир, который существует под веками и в котором можно уйти от действительности, можно спрятаться, уединиться, чтобы слушать и творить. Это был мир, унаследованный у Достоевского, мир, который нужно было расколдовывать.

Уделив внимание таким понятиям, как смерть, ответственность, свобода, страдание, докладчица проводит параллели между творчеством Достоевского и лирикой Цветаевой, поэмами «Крысолов», «Молодец» и др. Поэзия Цветаевой всегда стремится ввысь, к вертикали, она и есть сама вертикаль. Отсюда и «Поэма Горы», «Поэма Лестницы», «Поэма Воздуха». Вертикаль — духовное начало, та самая небесность, которая есть смысл жизни, но горизонталь — земля всячески отнимает человека у неба, «хлеб насущный», ради которого «великий поэт XX века» работает в послереволюционный период всего лишь «писарем» в различных учреждениях, борется с бытовыми проблемами, стирает ради все того же хлеба — это тот самый конфликт, который является основным в творчестве Цветаевой и выражен в противостоянии быта и бытия, земного и небесного, Инквизитора и Зосимы. В Цветаевой словно сосуществует Инквизитор (считающий, что для людей важны земные ценности, хлеб насущный, ради которого он способен забыть о самом главном — душе) и Зосима (любящий людей, испытывающий гордость за духовную силу человека). «И будет жизнь с ее насущным хлебом

с забывчивостью дня <...> Послушайте еще меня любите за то, что я умру».

Польский ученый, заведующий кафедрой русской литературы и культуры Вроцлавского университета Мартин Боровски (Вроцлав) в своем докладе «Творчество Ф. М. Достоевского и современная психопатология развития личности (на примере романа “Подросток”)» анализировал образ главного героя романа Федора Достоевского «Подросток» в контексте современной теории развития личности. Докладчик подчеркнул, что в поведении и личности Аркадия Долгорукого обнаруживаются аспекты характера и поведения «нелюбимого ребенка», на чем сегодня акцентирует внимание современная психология и психоанализ. «Мысль семейная», мотив родительского дома, где формируется личность ребенка были важными в творчестве писателя. Кризис семьи глубоко переживается Достоевским в романе «Подросток». Писатель был сильно огорчен состоянием русской семьи своего времени. Он прямо писал о ее распаде, для представления которого создал термин «случайное семейство».

Мартин Воровский показывает, что между предлагаемым Достоевским – интуитивно – поведением и современной теорией психологии развития можно обнаружить связь. Важно не столько само присутствие родителей, сколько «качественность» чувства, связывающего их с ребенком, который должен испытывать постоянную любовь и принятие. При этом любовь должна быть безусловной, не зависящей от поведения ребенка или его поступков.

Отсутствие же любви, как утверждают современные исследователи, впоследствии вызывает боязнь перед миром, сверхчувствительность даже к незначительным обидам, эскапизм, неспособность к самозащите, подверженность травмам, может также порождать неприязнь к другим детям и враждебность к родителям. Конфликты с родителями, ненависть к членам семьи, по словам М. Боровского, принято считать неприемлемым, запрещенным поведением в польской семье, потому что такой бунт может вызывать чувство презрения к самому себе и признание себя недостойным родительской любви. В докладе широко рассматривались все аспекты и последствия неправильного развития личности в семье.

В очень обширной и богатой репрезентации героев Достоевского интересных с «психологической» точки зрения, можно найти такого, который идеально представляет все черты «нелюбимого ребенка», описываемые современными исследователями – это Ар-

кадий Долгорукий, главный персонаж романа «Подросток». Роман был уже не раз исследован литературоведами как роман воспитания, однако М. Боровски предлагает рассмотреть образ Подростка в контексте современных теорий развития личности.

Аркадий живет в интеллигентской среде, но чувствует, что это не совсем его место, не чувствует связей с окружающей средой, легко злится, бывает раздражительным, считает себя одиночкой. Проблема Аркадия заключается в отсутствии контактов с родителями, прежде всего с настоящим отцом, и в недостатке отцовской любви, а вместе с тем невозможности определить свои корни, то есть онтологически самоопределиться.

Он ощущает себя нелюбимым ребенком, в его характере и поведении можно обнаружить все последствия несчастливого детства. Герой чрезмерно впечатлителен и обидчив, из-за постоянной неуверенности в себе сильно переживает даже небольшие неудачи. Он чувствует себя отвергнутым, одиноким, не умеет установить и поддерживать связи с окружающими, часто испытывает приступы ненависти к ровесникам, женщинам, матери, отцу и всему миру. Аркадий ощущает также зависть к счастливым законным детям дворян. Его фрустрация проявляется в бесцеремонном поведении по отношению к сестрам, матери и отцу. Неприязнь к членам семьи переплетается с любовью, но иногда приближается к яростной ненависти.

Во внешней репрезентации Подросток чувствует себя выше других, однако внутренне испытывает презрение к самому себе и боится, что не получил родительской любви, потому что не был ее достоин. Аркадий не может решить: любит он отца или ненавидит? Сила его чувств, их интенсивность и одновременно их амбивалентность — в отношении к отцу и всему миру — сильно мучат героя и углубляют неприязнь к самому себе. Аркадий называет свою природу «душой паука» и удивляется способности человека «лежать в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 307]. Герой бесспорно все время испытывает сильную боязнь и подсознательно использует обе уже упомянутые защитные тактики: подчинение и власть. Можно констатировать, что подчинение касается прежде всего прошлого (в детстве Аркадий не умел отстаивать свои интересы, в школе терпел унижения и был согласен на них, позволил сделать себя лакеем, потому что он и сам верил, что хуже других), власть же тактика будущего времени.

У Аркадия есть идея, которой он хочет в будущем посвятить жизнь. Герой мечтает «сделаться Ротшильдом», то есть миллионером. Однако истинная его цель — не богатство, а могущество, «настоящая» свобода, которой можно добиться благодаря деньгам. Идея должна ему заменить *все и всех*. Дело здесь в независимости от тех, которыми он был отвергнут (то есть окружающим миром и родителями). «<...> брошу всё и уйду в свою скорлупу. Именно в скорлупу! “Спрячусь в нее, как черепаха”; <...> “Я буду не один, <...> никогда теперь уже не буду один, как в столько ужасных лет до сих пор: со мной будет моя идея, которой я никогда не изменю <...>”» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 15] — говорит герой. Он чувствует себя лишним и отвергнутым, боится снова быть брошенным и пытается защититься отказом от «всего и всех». Задача его «идеи» — возместить отсутствие другого человека. Защитная тактика видна хотя бы в решении отказаться от всех, когда они уже его оценят и полюбят.

Здесь обнаруживается также желание произвести впечатление на тех, кто покинул Аркадия. Мечта о том, что все его полюбят и начнут уважать из-за богатства, раскрывает истинное желание героя — жажду любви. Здесь обнаруживается очень важный аспект — убеждение, что человека любят «за что-то». Это тоже пример понимания ребенка, который никогда не испытывал безусловной родительской любви. В образе и характере Подростка, по словам Мартина Воровского, обнаруживается глубочайшая пронизательность Достоевского-психолога, ибо писатель интуитивно раскрыл в романе аспекты, на которых сегодня сосредоточилась современная психология.

Теме отражения произведений Достоевского в кино был посвящен доклад искусствоведа Гюнеша Озайтена (Кавказский ун-т, Карс) «Об одной адаптации Достоевского в турецком кинематографе: фильм Зеки Демиркубуза “Подполье”». Он был единственный докладчик на этой конференции, обратившийся к проблеме рецепции творчества писателя в искусстве. Речь в докладе Г. Озайтена шла о фильме турецкого режиссера Зеки Демиркубуза “Yeraltı” («Подполье»), снятом по мотивам «Записок из подполья» Достоевского. Г. Озайтен назвал задачу экранизации текста Достоевского проблемной с точки зрения адекватного перенесения сюжета произведения, эпохи и характеров, изображаемых писателем, в кино. Экранизация «Записок из подполья», по словам Г. Озайтена, стала одним из главных культурных

событий 2012 года. Это единственный фильм в Турции, снятый по произведению Достоевского. Фильм «Подполье», несмотря на разницу во временном, пространственном и культурном аспектах, с точностью передает эстетику и драматизм «Записок из подполья» Достоевского. Это адекватное переложение в кинокартину художественного текста, хотя режиссер представляет фильм как «вольную интерпретацию». Доклад Гюнеша Оздемира был направлен на поиск ответов на вопросы о влиянии Достоевского на режиссера З. Демиркубуза, на его представления о кинематографе на всем протяжении его творчества. Говоря о форме воплощения текста Достоевского в кинокартине, докладчик особо акцентировал внимание на образе главного героя фильма Мухаррама — Подпольного человека в «Записках из подполья», на перенесении на экран душевных переживаний героев, времени и места действия (Петербург XIX века и Анкара начала XXI века).

Своим опытом преподавания русского языка на материале классической русской литературы, а конкретно, романа «Бесы», делилась в своем докладе «К вопросу об актуальности чтения произведений русской классической литературы на уроках РКИ (на примере романа Ф.М. Достоевского “Бесы”» профессор, эксперт секции русского языка кафедры западных языков Ольга Александровна Жилина (Бангкок). Доклад был посвящен проблеме приобщения студентов-филологов к чтению литературы на основе различных форм адаптации художественных текстов (неадаптированный с параллельным переводом на родной язык студентов, аутентичный короткий, или адаптированный в соответствии с уровнем знаний учащихся). Для успешного решения задачи приобщения студентов к чтению классической литературы, как сообщила, проф. О.А. Жилина, как правило, педагоги обращаются к адаптированным текстам. Однако в работе с такими сложными многоуровневыми текстами, как романы Достоевского, первостепенной задачей преподавателя является организация эмоциональной мотивации, пробуждение в учащихся желания прочитать данное литературное произведение, стремление пройти вместе с литературными персонажами через сложности жизненных коллизий, понять мотивы поступков, научиться рассматривать, разбирать, прогнозировать поведение героев. После первого эмоционального знакомства можно уже использовать адаптированные части данного литературного произведения или тексты с параллельным переводом.

В докладе обосновывалась необходимость учитывать уровень языковой компетенции студентов, возрастные психологические особенности учащихся, их читательский опыт на родном языке и интерес к тем или иным литературным жанрам. Только тогда студенты будут мотивированы читать художественные произведения. К сожалению, приходится констатировать, как отметила докладчица, факт неприятия молодыми людьми серьёзной классической литературы, крупных жанров: романов, поэм, эпопей, былин, сказаний. Многостраничный объём очень часто отпугивает современных читателей, привыкших уже к малым формам сообщений и незамысловатых историй в социальных сетях.

Проф. О.А. Жилина, исходя из своего многолетнего опыта работы в Таиланде, считает чрезвычайно важным в работе с иностранными студентами выбирать такие аутентичные фрагменты, которые бы затрагивали душу и сердце читающих, вызывали бы чувство сопереживания, способность войти в эмоциональное состояние другого человека. Интеллектуальная идентификация собственных чувств с чувствами, мыслями и этическими установками другого лица важна не только для понимания сути читаемого литературного произведения, но и для обычной, реальной жизни каждого думающего человека. Так, в работе над текстом романа «Бесы» О.А. Жилина решила выбрать фрагмент, который был бы связан с главным героем и главной идеей романа, выбрать тот эпизод, с помощью которого можно было вызвать интерес у тайских студентов к роману в целом. Анализируя причины слабого интереса тайцев к чтению серьёзной русской классической литературы, в том числе и произведений Достоевского, О.А. Жилина отметила в ряду разных причин и отсутствие прямых переводов с русского языка на тайский. Все произведения русской классики изданы в Таиланде в переводах через английский язык, отсюда и потери художественного своеобразия русской литературы, считает ученый-русист.

Нет ни одного опубликованного в Таиланде произведения Ф.М. Достоевского, переведённого напрямую с русского языка на тайский. Совсем недавно, в 2021 году, в Таиланде к 200-летию писателя был опубликован перевод романа «Бесы», осуществленный через английский язык. Преподаватели русского языка, работающие с иностранными студентами в Университете Таммасат, знали о готовящемся издании романа, и в год Достоевского, как отметила в своем выступлении докладчица, включили его в учебную программу. На

работу с текстом были привлечены студенты 4 курса, которые достигли языкового уровня В1-В2.

Чтобы показать студентам невероятную притягательную силу литературного наследия Ф.М. Достоевского, им предложили прочитать на уроке неадаптированный фрагмент романа (часть исповеди Ставрогина в главе «У Тихона»). В этом отрывке ярко высвечивается суть низкой и подлой природы красавца, «принца» Ставрогина, «господина себе», когда он с интересом наблюдает из своей части комнаты, как наказывают ни в чём не повинную девочку, Матрёшку, за кражу, которую та не совершала и которой вообще не было. Он мог выйти из-за ширмы и сказать, что нашёл пропажу, и этим прекратить экзекуцию, но он не стал этого делать. Более того, он вышел из дома и выбросил тот перочинный нож, из-за которого высекли девочку. Погружение в психологическое состояние явно отрицательного персонажа, по словам преподавателя, вызвало у тайских студентов много эмоций и желание узнать, как этот человек связан с сюжетной линией романа, при создании которой Достоевский опирался на материалы дела Нечаева, радикального революционера, создателя «Общества народной расправы» в 60-х годах XIX века. Информация о реальных фактах, положенных в основу романа, также послужила стимулом для чтения произведения студентами в полном объёме, отметила в своем докладе О.А. Жилина.

Мрачная история из жизни губернского российского города погружает читателя в омут тёмных страстей, иллюзий и преступлений. Кто они, эти бесы? Кого автор так называет? Почему они привлекли внимание гениального писателя? Почему сейчас, к юбилею Достоевского, в Таиланде опубликован перевод именно этого романа? Чем руководствовался тайский переводчик? Обсуждение этих вопросов, как отметила проф. О.А. Жилина, обеспечивало обстановку психологического комфорта и поддерживало мотивацию студентов к дальнейшему чтению романа.

На прекрасном русском языке прозвучал доклад молодого турецкого ученого Алпая Орчуна (Караденизский технический ун-т, Трабзон) «Ф.М. Достоевский глазами турецкого социолога Улуса Бакера», посвященный оценке известного выражения Достоевского «если Бога нет, то все позволено» известным турецким социологом Улусом Бакером (Бейкер). Высказывание Достоевского анализируется в контексте взглядов Бакера на различных философов — Спинозу, Ницше, Лакана, освещающих этический аспект идеи «смерти Бога».

Ф.М. Достоевский был для Бакера особой личностью. Достоевский как писатель стал предметом обсуждения во многих произведениях Улуса Бакера. Он исходил из следующего вопроса: почему Достоевский находится на самой вершине литературы? Ответ на этот вопрос для Бакера заключается в том, что он, как Тарковский в кино, способен говорить обо всем и может проникнуть в любой образ созданных им героев или персонажей. Бакера больше всего интересуют онтологические, философские стороны поэтики Достоевского, в основе которых лежит его крылатое выражение «если Бога нет, все позволено». Размышляя над ответом на бесконечные вопросы о Боге и о художественном воплощении ответов на них в творчестве Достоевского, Бакер приходит к тому, что он был не просто писателем, но и философом. По мнению турецкого социолога, Достоевский перевернул вопрос о «смерти Бога» наизнанку: если все дозволено — Бога нет.

Сопоставив суждения о Боге разных философов, Улус Бакер приходит к выводу, что величие Достоевского кроется не в его таланте создавать любые сцены или образы, но в его литературном размышлении о небытии Бога. Благодаря Достоевскому этот философский вопрос приобрел литературный характер. И Достоевский сумел поставить этот вопрос (в тупик), однако этим и открыл возможность и перспективу для следующего его литературного обсуждения.

Конференция «Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах» завершилась итоговым заседанием, в котором могли выступить не только организаторы и руководители секций, но и любой участник и слушатель, желающий поделиться своими впечатлениями или высказать свое мнение о заслушанных докладах. Слово Достоевского о человеке и о его назначении в мире показало свою фантастическую, реальную силу на этом празднике науки, мысли, знаний. Этот праздник смогли организовать совместными усилиями достоевисты Турции, Азербайджана и России. Хочется отметить большую роль в успешной работе конференции в Карсе известных российских ученых, проф. В.В. Борисовой, проф. М.Г. Михновец, которые не только выступили с содержательными докладами на пленарном заседании, но и принимали активное участие в обсуждении и оценке докладов, делились своим опытом ведения научной полемики в ходе конференции. Как заметила в своем итоговом выступлении Надежда Георгиевна Михновец, конференция в Карсе еще раз обозначила актуальность выявления проблем, осмысляемых

учеными России, Турции и Азербайджана, как центральных для развития и укрепления конструктивного межкультурного диалога. Она подчеркнула важность социологического изучения динамики прочтения Достоевского в Турции и в России, систематизации информации об этом и отражения ее в совместных российско-турецких монографиях и энциклопедиях.

Международная научная конференция «Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах», состоявшаяся в Турции, в городе Карс (5–7 января 2022г.) и посвященная 200-летию Ф.М. Достоевского, открыла новые перспективы конструктивного диалога между сторонами, показала необходимость углубления научных и межкультурных связей и создания совместных научных проектов.

Список литературы

1. Бердяев, 1999 — *Бердяев Н.* Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. 400 с.
2. Достоевский, 2007 — Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
3. Достоевский, 2013 — Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 20. 657 с.
4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Тюркан Олджай, 2010 — *Тюркан Олджай.* Рецепция переводов русских литературно-художественных произведений в Турции // *International Journal of Russian Studies*. 2010. Vol. 3/1 pp. 23–44
6. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
7. Умудова, 2018 — *Умудова К.* От «Шинели» Гоголя до «Твидового пальто» Айдемира // *Azərbaycan*. 2018. №5. С. 176–184.
8. Цветаева, 1997–1998 — *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: ТЕРРА-Кн.клуб. 1997–1998.
9. Шенер, 2021 — *Шенер Л.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского в турецкой литературе XX–XXI веков // *Проблемы исторической поэтики*. 2021. Т. 19. № 4. С. 331–343.
10. Aydemir, 2011 — *Şerif Aydemir.* Mendilim sende kalsın. İstanbul: Ötüken, 2011. 166 s.
11. Aydemir, 2014 — *Şerif Aydemir.* Çiçekden Harman olmaz. İstanbul: Ötüken, 2014. 128 s.
12. Birsen Karaca, 2018 — *Birsen Karaca.* Dostoyevski okumaları. Fyodor Mihayloviç Dostoyevski ve İlk Dönem Eserlerinin Karakteristik Özellikleri. Ankara: Nece yayınları, 2018. 302 s.

References

1. Berdiaev, N. *Russkaia ideia. Khar'kov: Folio* [*The Russian Idea. Kharkiv: Folio*]. Moscow, AST Publ., 1999. 400 p. (In Russ.)
2. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek: v 2 tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 vols*]. Moscow, IWL RAS, 2007. (In Russ.)
3. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*]. Vol. 20. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2013. 657 p. (In Russ.)
4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Tiurkan Oldzhai. “Retsepsiia perevodov russkikh literaturno-khudozhestvennykh proizvedenii v Turtsii” [“Reception of the Translation of Russian Literary Works in Turkey”]. *International Journal of Russian Studies*, vol. 3/1, 2010, pp. 23–44. (In Russ.)
6. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyschem smysle”* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of “Realism in a Higher Sense”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
7. Umudova, Kemale. “Ot ‘Shineli’ Gogolia do ‘Tvidovogo pal'to’ Aidemira” [“From Gogol’s *The Overcoat* to Idemir’s *The Tweed Coat*”]. *Azərbaycan*, no. 5, 2018, pp. 176–184. (In Azerbaijan)
8. Tsvetaeva, M.I. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [*Collected Works: in 7 vols*]. Moscow, Terra-Kn. Klub Publ., 1997–1998. (In Russ.)
9. Shener, L. “Retsepsiia romana F.M. Dostoevskogo v turetskoi literature XX–XXI vekov” [“Reception of F.M. Dostoevsky’s Novel in Turkish Literature of the 20th–21st Centuries”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 4, 2021, pp. 331–343. (In Russ.)
10. Şerif Aydemir. *Mendilim sende kalsın*. İstanbul, Ötüken, 2011. 166 p. (In Turkish)
11. Şerif Aydemir. *Çiçekden Harman olmaz*. İstanbul, Ötüken, 2014. 128 p. (In Turkish)
12. Birsen Karaca. *Dostoyevski okumaları. Fyodor Mihayloviç Dostoyevski ve İlk Dönem Eserlerinin Karakteristik Özellikleri*. Ankara, Hece yayınları, 2018. 302 p. (In Turkish)

Статья поступила в редакцию: 23.01.2022
Одобрена после рецензирования: 29.01.2022
Принята к публикации: 30.01.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 23 Jan. 2022
Approved after reviewing: 29 Jan. 2022
Accepted for publication: 30 Jan. 2022
Date of publication: 25 Mar. 2022